

МАСТЕР ДЕТЕКТИВА

АНТОН ЧИЖ

АНТОН
ЧИЖ

КОРОЛЕВА БРИЛЛЯНТОВ

МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ч-59

Оформление серии
Андрея Саукова, Филиппа Барбышева
Иллюстрация на переплете *Филиппа Барбышева*

Чиж, Антон.

Ч-59 Королева брильянтов / Антон Чиж. — Москва :
Эксмо, 2019. — 448 с.

ISBN 978-5-04-219767-3

Королева брильянтов — очаровательная и благородная воровка, баронесса фон Шталь (она же Агата Керн), которая грабит только самых богатых и неверных мужчин, словно восстанавливая женскую справедливость. Алексей Пушкин — коллега Родиона Ванзарова, сыщик, сумевший разглядеть в Агате не просто преступницу, но... помощника. И... женщину.

Новый исторический детектив Антона Чижа продолжает вселенную Ванзарова, но акцент — на других, более молодых и романтических героях. Интрига рождается на пересечении нескольких сюжетных линий, затрагивающих и цыганское проклятие, и даже судьбу Антона Павловича Чехова...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-219767-3

© Чиж А., текст, 2019

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Большов (*входит и садится на кресло; несколько времени смотрит по углам и зевает*). Вот она, жизнь-то; истинно сказано: суета сует и всяческая суета. Черт знает, и сам не разберешь, чего хочется. Вот бы и закусил что-нибудь, да обед испортишь; а и так-то сидеть одурь возьмет. Али чайком бы, что ль, побаловать. (*Молчание.*) Вот так-то и всё: жил, жил человек, да вдруг и помер — так все прахом и пойдет.

А. Н. Островский.
Свои люди – сочтемся. 1849 г.

Ох и полюбил ее Филипп Парфенович, ох полюбил...

Крепко-накрепко полюбил, как последний раз любят. Последней любовью полюбил, какая приходит под конец, когда не ждешь уж ничего от скуки жизни. Полюбил страшно, полюбил отчаянно. Любовью преступной, от которой одна погибель. Не любовь это, а беда, конечно, как не понять. Наваждение какое-то, не иначе. Да будто оглох и ослеп Филипп Парфенович. Говорили ему, говорили, только никаких уговоров слушать не желал, в своей воле привык быть. Кто ему указ, кто поперек слово скажет? Такой характер, что не посмотрит, кто перед ним — друг, брат, сват, ударит так, что по плечи в землю вгонит. Потом, конечно, плакать будет, прощения просить, а норов бешеный, не укротишь. Дай повод — разорвет. А уж когда дело касемо любви его заветной, тут и пискнуть не смей. Чего доброго, совсем убьет. Один сунулся увещевать, такой ответ получил, что другому неповадно стало. Что тут поделать?!

Напасть явилась, откуда не ждали. В конце июня приятели старинные зазвали Филиппа Парфеновича в «Ярь» отобедать в дружной компании. Знать бы, чем веселье

обернется, может, лучше бы ногу себе сломал и дома остался. Так нет же, приехал. Застолье, как водится, было обильным, тосты поднимались, вино рекой лилось, дело привычное. Настроение у Филиппа Парфеновича стало отменным. Да и с чего ему быть плохим? Дела у купца Немировского шли в гору. К ломбарду, доставшемуся от отца, Филипп Парфенович трудами своими добавил страховую контору, ювелирную лавку открыл. Дом в Замоскворечье поставил, выезд-тройку купил, жена тихая и покорная, трех наследников родила, как полагается. Мальчики умными росли, старшего Петра уже к делу приучал. Живи, душа, радуйся на многие годы...

Подняли тост за процветание купеческого сословия. Филипп Парфенович бокал выпил, усы отер, тут скрипки заиграли. Он на сцену оглянулся и окаменел, как молнией сраженный. Поразила его в самую душу, сердце насквозь пробила цыганка молодая, что волнами юбку пускала, плечами поводила и черными бездонными глазищами жгла. Филипп Парфенович забыл про все, глазами пожирал ее. Цыганка в пляс пошла, жаром пышет, мониста звенят, заливаются, подолы разноцветные крыльями летают.

Кончился танец, овации разразились, иные господа со стульев вскочили, в ладоши бьют. А Филипп Парфенович шевельнуться не может. Показалось ему, что звезда огромная и яркая вспыхнула и поглотила его. Утонул он в этом сиянии.

Приятели заметили, что с Филиппом Парфеновичем неладное творится, стали толкать, подшучивать. Только он на шутки не отвечает. Примечает, сколько жадных глаз пожирают его цыганку. А она и рада, всем улыбается. Правда, почудилось ему в один миг, что заметила его цыганка и задержала на нем глаза чернящие. Может, было, а может, привиделось. Только с этой минуты Филипп Парфенович потерял интерес к приятелям и застолью. Одну цыганку

слушал. Как заиграла скрипка мелодию печали заветной, махнула она юбками, гордо подняв подбородок, тут и пропал Филипп Парфенович навсегда.

Звали ее Аурик.

Филипп Парфенович каждый день принялся ездить в «Ярь». Официанты его усаживали за стол поближе к сцене. Аурик, когда в зал выходила, мимо него идет, как нарочно рукавом коснется. Филипп Парфенович горел огнем неугасимым, терзался, но в руках себя держал. Так с неделю продолжалось. А потом решился. Подозвал официанта, дал сторублевку, и уж тот готов был душу продать. Филипп Парфенович потребовал, чтобы позвали Аурик в отдельный кабинет, какие при ресторане имелись. Официант обещался исполнить. Филипп Парфенович в кабинет зашел, где стол отдельный стоял накрытый хрусталем и серебром. Сел, стал ждать. Долго ждал. Даже злиться начал. Тут является официант и, глаза потупя, сообщает, что цыганка такая упрямая, никак с ней не сладить: не желает идти в кабинет, а пусть, говорит, барин к ней в сад выйдет. Филипп Парфенович покорно пошел, куда было приказано.

В темноте глаза ее, казалось, горели огнем нездешним. У Филиппа Парфеновича, мужчины крупного, телом крепкого, ноги чуть не подкосились. А она руки в боки и улыбается улыбкой сладостной.

«Чего изволите, барин хороший?» — говорит. Сама искрами сыплет и будто бы подсмеивается над купцом.

У Филиппа Парфеновича горло перехватило, такая красота невозможная, невиданная, что хоть упади перед ней на колени и моли о пощаде. Совсем разум отказал. А цыганке того и надо: учуяла, в каком состоянии почтенный господин пребывает — управляй им, как лошадь, поводья в руках, только погоняй. Такая умная, хоть годков-то не более двадцати.

«Ой, барин, не смотри так, испугаюсь, убегу», — говорит и улыбкою самое сердце Филиппа Парфеновича режет.

Красивым речам он не был обучен, некогда купцам общительность в себе воспитывать.

«Чего ты хочешь?» — говорит напрямик.

«А что у тебя есть, барин хороший?» — отвечает.

«Да что пожелаешь, у меня ни в чем отказа не будет!»

Она пальчик к губке приложила, зубками кончик прикусила, будто задумалась. Филипп Парфенович этот пальчик готов был целиком скушать. Вместе с ней.

«Разве монисто из золотых монет»...

«Завтра получишь!» — говорит Филипп Парфенович, руки раскинул и к ней двинулся, чтобы задушить в объятиях. Да только Аурик отскочила, стала колючей, как нож цыганский.

«Эй, барин хороший, остынь, а то закричу. Не девка гулящая, чтобы за золото отдаваться!»

Такого поворота Филипп Парфенович не ждал. Но и раззадорился пуще прежнего.

«Чего же ты хочешь, кралечка?»

«Не покупай, а завоюй любовь мою! — говорит. — Чтоб полюбила тебя всем сердцем. Иначе подходить не смей».

«Это как же, завоевать?» — спрашивает купец.

«А я почему знаю? Придумай!» — сказала и убежала в темноту.

Филипп Парфенович в раздумьях недолго мучился. Что думать, когда средства есть.

Полгода добивался купец Аурик. И подарки дарил, и наряды, и по Москве на тройке катал, и в Нижний свозил, и в театр, и за городом пикник с музыкой устраивал. Денег не жалел. Ухаживания Аурик принимала благосклонно, только не дала себя и в щечку поцеловать, такая хитрая. Филипп Парфенович от желания сам не свой стал.

И тут под конец декабря, еще до Рождества, когда ему совсем невтерпеж стало, пошел он на штурм. Объявил Аурик, что готов для нее такой подарок, какой ни одна цыганка не получала. Для этого случая заказан лучший номер в гостинице «Славянский базар». Если опять откажется, то проклянет ее и со свету сживет, а не только из Москвы выгонит со всем табором: в полиции у него друзей много. Аурик смекнула, что тянуть нельзя, ниточка порвется, да и больно захотелось ей подарок невиданный получить. Она и согласилась.

Под вечер Филипп Парфенович привез Аурик в «Славянский базар». Номер огромный, с гостиной, спальней и кабинетом. Весь цветами украшен, на столе — шампанское и угощение. Половые откланялись, Филипп Парфенович вынимает большую коробочку, обшитую бархатом, подает.

«Это мне, что ли?» — цыганка спрашивает.

«Тебе, открывай»...

Аурик крышечку открыла и зажмурилась. Колье бриллиантовое с крупными камнями и рубином в виде капли кровавой: красота невероятная, невозможная, не графниям, царицам такое носить.

«Хорош ли подарок?» — спрашивает Филипп Парфенович.

«Так хорош, что и сказать нельзя», — отвечает она, а сама пальчиком камни гладит.

«Примерь, чего ждешь»...

Аурик к нему спинкой поворачивает.

«Помоги расстегнуть», — говорит.

С пуговками Филипп Парфенович возиться не стал, а рванул блузу на части. Аурик и не вздрогнула. Приложила колье на шею, говорит:

«Замочек застегни».

Пальцы у Филиппа Парфеновича не слушались; прикоснувшись к ее шелковой коже, он чуть не укусил нежное плечико, но сдержался, повозился, кое-как справился...

Аурик к нему спиной стоит, голыми плечами поводит. Филипп Парфенович уже сам не свой.

«Хочешь взглянуть на подарок?» — спрашивает она.

Филипп Парфенович едва прохрипел в ответ.

Аурик и повернулась. Без стыда показывая себя в блеске брильянтов.

«Хорошо ли?»

Исторг он рык звериный...

От сонного забытья Филипп Парфенович очнулся на подушке. На часах половина десятого. Аурик спала рядом сном тихим, мирным. Колье не сняла. Во сне свежа и нежна, как купюра новенькая. Филипп Парфенович ощутил голод лютый. Тихо поднявшись, чтобы не разбудить, вышел в гостиную, где на ковре одежда была разбросана. Быстро оделся, облачился в скюртук и, отодвинув штору, спустился через отдельный вход, который специально был подведен к этому номеру, в знаменитый на всю Москву ресторан гостиницы.

Хотел он чуток подкрепить силы, спросил у официанта подбежавшего столик подальше от оркестра. Тихое место имелось, официант повел, но по дороге Филиппа Парфеновича заприметили приятели, что немудрено: в Москве все друг друга знают. Приятели посадили его за стол. Филипп Парфенович выпил рюмку, другую, под закуску пошла третья, а дальше покатилося. Радость, переполнявшая его, требовала того. Радости много было.

Сколько он выпил, не помнил. Вот уже его приятелей в бесчувственном состоянии грузили на извозчиков официанты. Только его крепкий организм смог выдержать до конца. Покачиваясь, пошел он наверх, кое-как одолевая ступеньки, двигаясь без посторонней помощи, от которой отказался.